

РЗАЕВ Д.А.

УДК 141.33

КОСМИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ОСНОВА СВОБОДНОГО ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА (ЭТИКО- ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ ЭССЕ НА ОСНОВЕ ТИБЕТСКОЙ КНИГИ МЁРТВЫХ)

ЛІТО-ОСІНЬ 3-4/2011 ГИМНАЗИЙНИЙ ЖУРНАЛ

Стаття присвячена опису принципів сучасного світогляду, побудованого на духовному спадку традиційних вчень Сходу та їх концептуальному осмисленню в західній та російській філософії.

Статья посвящена описанию принципов современного мирозерцания, основанного на духовном наследии традиционных учений Востока и их концептуальному осмыслению в западной и русской философии.

Clause is devoted to the description of the principles modern world outlook, based on a spiritual heritage of the traditional doctrines of the East and to their conceptual judgement in concepts of the western and Russian philosophy.

Ключові слова: духовність, духовна революція, космізм, карма, синкретизм.

Ключевые слова: духовность, духовная революция, космизм, карма, синкретизм.

Key words: spirituality, spiritual revolution, cosmism, karma, syncretism.

Наш XXI век, как известно, характеризуется развитием космических взглядов на мир и человека. Данная тенденция представляет собой яркое свидетельство того, что в современном мире происходит своеобразная духовная революция, хотя еще далеко не все представители человеческого рода ощущают и осознают это. Названный обновительный процесс, как известно, начался еще в XIX столетии – начался усилиями, в основном, плеяды русских философов, создавших шедевры «русского космизма», и достиг ныне сравнительно высокой планки. На фоне этого прогрессивного процесса обретает существенную значимость мировоззренческое наследие Древнего Востока, по праву считающегося «колыбелью мудрости». Именно для восточного мышления издревле характерны идеи

космизма и соответственно – стойкая приверженность к мифологизму. Сейчас, как это ни покажется странным, в общественном сознании происходит известное возрождение мифологических устоев мышления. Но это на самом деле не странность, а вполне закономерный процесс, происходящий на стезе общественного прогресса. Это совершается не иначе, как на новой, несравненно более высокой ступени социального развития, насыщенной мощным потенциалом научного познания. В этой связи надо отметить такой знаменательный факт: XXI столетие еще только вступило в свои права, а уже успела состояться международная научно-общественная конференция, с участием большой массы представителей различных направлений науки, посвященная теме: «Космическое

мировоззрение – новое мышление XXI века» (Москва, октябрь 2004 г.). Не говоря уже об одноипных форумах более узкого масштаба, как например, симпозиум на означенную тему на Украине, в г. Днепропетровске, на базе кафедры философии Национального Горного Университета (февраль 2009 г.), в котором мне, автору настоящей статьи, довелось принять активное участие. Такого рода форумы – весьма примечательные вехи на пути развития духовной революции.

Понятие духовности, вообще говоря, весьма тонкое понятие, и ему следует уделить особое внимание. Обратимся к существующей по данной теме научной литературе; возьмем, например, труд кандидата философских наук В.Е. Громова, всецело посвященный данной проблеме, его работу «Смысл и границы человеческой духовности (Философско-культурологическое эссе)». Названный автор считает, что духовность – это «выражение связи человека с Трансцендентным, Богом, Абсолютным Сознанием, Абсолютным Духом» [1]. Он выражает при этом убеждение, что в человеке, в глубине души, кроется частица Абсолютного; что существует нераздельная целостность человеческого-земного и человеческого-космического («своего» и «своего-другого»); что духовность не замкнута рамками логического и тесно связана с верой в Высшую Реальность; что она помогает глубокому осмыслению смысложизненных проблем, пониманию того, в частности, что от современного человека требуется неуклонное возрастание, по зову души, в своей экологической ответственности за всё происходящее в широких и постоянно расширяющихся масштабах ноосферы, а также неуклонное стремление к созданию «культуры непотребительского гуманитарного общества», где на первом плане будет стоять не вещиизм, с его конфликтными взаимоотношениями и коррупцией, а духовные ценности; далее, что духовность несет в себе Свет, Добро,

Свободу, Красоту универсума и бескорыстную любовь к ближним, а также выступает мощной силой, противостоящей силам мирового зла, которые порождают враждебные отношения, кровопролития и тому подобные негативные явления внутри человеческого рода [2].

Отметим еще раз, что духовная революция содержит в себе в качестве составной части возрождение мифологического мировоззрения на познавательной основе новой, современной ступени общественного прогресса. И сосредоточим некоторое внимание на весьма объемном и солидном издании под названием: «Труды объединенного научного центра проблем космического мышления». Обратимся к нескольким из напечатанных в данном сборнике статей, насчитывающем их около двух десятков.

В напечатанной здесь статье Л.В. Шапошниковой (академика Российской Академии естественных наук), озаглавленной «Познание космической реальности», в частности, говорится: «Феномен мифологического способа мышления и познания состоит в том, что оно имело довольно тесную энергоинформационную связь с мирами иного состояния материи и более высоких ее измерений. Из этого изначального синтетического явления (синтетического в смысле органической, неразрывной связи сознания человека с высшим, космическим сознанием. – Д.Р.) со временем развились все основные виды творчества, деятельности, знаний и верований человечества» [3]. Звучит достаточно убедительно. Действительно, великие мудрецы древности черпали знания именно из богатейшего резервуара интуиции, с помощью медитативного озарения.

По поводу существующего познавательного синтеза, снова набирающего силу в современных условиях и представляющего собой неразрывную связь логики и интуиции, а также других познавательных способностей,

Шапошникова высказывает мнение (опираясь при этом на Живую Этику Николая и Елены Рерихов), что «религиозный опыт, несомненно, требует научного осмысления, а современная наука нуждается в одухотворении и причастности к высшим энергиям». А также, добавляет она, наука нуждается в наполнении нравственным содержанием. [4]. Короче говоря, автором подчеркивается необходимость образования своеобразного синтеза науки, мифологии, религии, философии и, безусловно, искусства, пронизанных духом нравственности.

А этот синтез, само собой разумеется, предполагает нераздельное единство человеческого и космического, рационального и над-рационального.

В том же научном сборнике автор В.Е. Жигота, развивая идею антропокосмического синтеза в своей статье под названием «Философия творчества Живой Этики и традиция трансцендентально-эволюционного космизма», высказывает мысль о наличии в процессе эволюционного развития Вселенной теснейших внутренних связей между человеческой природой и Космосом, как и между отдельным индивидом и всем человечеством. Тем самым автор знакомит читателя с обретающим ныне традиционный характер представлением (хотя пока еще и не разделяемым достаточно многими людьми), которое я, между прочим, обычно склонен в терминологическом плане выражать в своих публикациях следующими словами: субстанционально-целостное миропонимание. Он пишет: «Эволюционная динамика мировой культуры взаимообусловлена эволюционной динамикой культуры отдельной личности, которая, в свою очередь, своим субстанциональным основанием имеет духовную природу человека и в этом смысле имманентна человеческой природе, является выражением скрытого в глубинных структурах сознания динамического импульса к усовершенствованию,

одухотворению жизни во всех ее аспектах, импульса, по существу универсального, общечеловеческого» (Выделено мною – Д.Р.) [5]. То есть, творчество индивида – это, по сути, закономерный вклад личности в мировой эволюционный процесс, в реализацию общего дела, в принципе, влекущую за собой всеобщее космическое одухотворение.

Такой, если так можно выразиться, «всекосмический синтез» носит, надо сказать, отнюдь не механистический, а органический характер; это не какая-нибудь эклектика, соединение несоединимого, а в полной мере диалектическое единство противоположностей. Дело в том, что эволюционный процесс, как уже было отмечено выше, происходит не без активного участия человека, которому свойственна космическая сущность по самой его природе; и он, человек, будучи активным, творческим существом, сознательным преобразователем природы, тем самым выступает в качестве центрального стержня, вокруг которого концентрируются все составляющие эволюционного процесса, т.е. все аспекты Космоса как органического целого. Стало быть, синтез, о котором идет речь, носит именно органический, а не эклектический характер.

Сказанное вполне созвучно с мнением упомянутой Шапошниковой, которая подчеркивает важность понимания органического синтеза как результата подъема сознания на более высокую степень его поступательного развития. Она пишет: «Когда мы говорим «синтез», то имеем в виду не механическое соединение частей какого-либо явления или явлений, а органическое их слияние, сопровождаемое возникновением нового явления и нового его свойства. Новым ступеням человеческого сознания и мышления, заключает автор, как правило, сопутствуют синтетические процессы более высокого духовно-энергетического качества» (Выделено мною. – Д.Р.) [6].

Надо сказать, что именно в данном аспекте в нынешних условиях обретает всё большую значимость творческое наследие Живой Этики Николая и Елены Рерихов, этой знаменитой творческой четы, опередившей свое время, XX век, на целое столетие и заложившей основы взгляда на человека как на олицетворение творчества в широком, возвышенном, космическом смысле этого слова.

Важно обратить внимание и на такую деталь инновационного познавательного процесса: в человеческом творчестве принимают активное участие такие неотъемлемые и тесно взаимосвязанные компоненты его сознания, как мозг, непосредственный продюсер логической мысли, и сердце – энергетический генератор Добра. Оба они являются, по большому счету, проявлениями, скажем так, Всекосмического Начала. Упомянутый выше Жигота в этом плане высказывает следующую заслуживающую особого внимания мысль: «Внемля зову собственного сердца, человек входит в течение космической эволюции, становится её сознательным посредником, со-творцом, ибо трансцендентный Источник эволюционной динамики Космоса и подлинно творческих процессов сознания – един» (Выд. мною. – Д.Р.) [7].

Тем же автором констатируется весьма значительный, на мой взгляд, факт, говорящий о том, что космическое мировоззрение является плодом совместной творчески-мыслительной деятельности великих умов человечества: в его разработке приняли активное участие такие видные мыслители Нового времени (в широком значении данного термина), как интуитивист А. Бергсон, экзистенциалист (трансцендентальной разновидности), Н.А. Бердяев, создатель философии всеединства В.С. Соловьев, выдающиеся его последователи, разработчики космических концепций С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, П.А. Флоренский, а также основатель сублимационной теории Б.П. Вышеславцев,

и, кроме того, теософ Е.П. Блаватская, творцы философско-этического учения Живой Этики Е.И. и Н.К. Рерихи, активный разработчик современной, интегральной, йоги Шри Ауробиндо Гхош и другие. [8]. Констатация данного факта наводит на мысль, что ни в коем случае нельзя считать космическое мировоззрение какой-то профанацией истины, хотя оно еще и не стало привычным для всех, особенно для обывательского разума.

В соответствии с космическим мировоззрением, человек выступает, в отличие от животного, в качестве существа сугубо творческого плана, причем существа, творящего как внешнюю по отношению к себе, так и внутреннюю культуру. Под внешней культурой имеется в виду целенаправленное преобразование природы во всё более расширяющихся космических масштабах, а под внутренней – обладание постоянно расширяющейся свободой творчества, обуславливаемой развивающимся самосознанием и развитием способности к саморегуляции в своей деятельности. По данному вопросу ведущий научный сотрудник Института философии Российской Академии Наук, доктор философских наук И.А. Герасимова в предисловии к означенному выше сборнику справедливо замечает, что «творчество подразумевает собой и космическое служение, и реализацию свободы» [9].

Правда, здесь, очевидно, следует заметить, что в текущей жизни порою наблюдается нарушение гармонии между служением человека Космосу в соответствии с его непреложными законами и проявлениями его, человека же, собственной свободы, что в современных условиях, например, выражается в нарушении границ экологической нравственности, безрассудной порче окружающей среды и тому подобных вещах. Но это уже частный вопрос, обусловленный отдельными аномальными моментами в развивающемся бытии. В целом же человек

есть, по своей космической предназначенности, в перспективе своего развития—центр Вселенной, о чем, между прочим, уже высказывались соответствующие мнения гуманистического характера некоторыми крупнейшими мыслителями прежних веков, включая даже самого Карла Маркса, несмотря на его стойкое неприятие отступлений от сугубо материалистических взглядов на мир и человека.

По поводу данной сущности Человека метко сказано в упомянутой статье Л.В. Шапошниковой: «Великий закон энергоинформационного обмена на всех уровнях Космоса следует признать одним из важнейших законов, касающихся непосредственно космической эволюции и ее особенностей. Согласно этому закону, энергия человеческого духа является одной из главных движущих сил космической эволюции и её творчества» (Выд. мною. – Д.Р.) [10].

И добавим краткий афоризм Николая Бердяева: «Человек – не дробная часть вселенной, не ее осколок, а целая малая вселенная, включающая в себя все качества вселенной большой, отпечатлевающаяся на ней и на себе ее отпечатлевающая» [11].

В связи со всем сказанным вполне резонно теперь обратиться к культурно-историческому наследию Тибета, занимающего видное место в череде представителей восточной цивилизации, таких, как Индия, Китай, Япония. А именно, к «Тибетской книге мертвых».

Правда, необычное и негативно броское название данной книги подчас не может не вызывать удрученного состояния духа: тема смерти – не из приятных. Однако, надо сказать, вдумчивое чтение этого выдающегося памятника культуры уже само по себе, как-то незаметным образом, порождает поэтический настрой, поднимает дух, благодаря своей насыщенности позитивным морально-этическим содержанием.

Эта книга, содержание которой всецело тяготеет к Запредельному Началу Мира, может показаться современному читателю чем-то настолько архаичным, что её вроде бы и нельзя всерьез считать заслуживающей внимания. Однако, это совершенно не так: достаточно принять во внимание уже отмеченные нами происходящие в текущем столетии серьезные изменения в мировоззренческой сфере общества.

Отметим, что многие из названных выше характеристик духовности ярко обнаруживают себя при анализе содержания этой книги. Подчеркнем при этом еще раз, что само название книги поначалу не может не резать слух у некоторых современных людей, тем более, у носителей западного менталитета. Но этот психологический феномен, надо сказать, имеет чисто эмоциональную предпосылку; подобное негативное восприятие быстро снимается, если обратиться к высказываниям всемирно признанного ученого-психолога Карла Густава Юнга, основателя теории коллективного бессознательного. В своем знаменитом комментарии к «Тибетской книге мертвых» он пишет: «Со времени появления в Европе (а следует заметить, что это произошло в 1927 г. – Д.Р.) «Книга мертвых» была моим постоянным спутником – ей я обязан не только важными идеями и открытиями, но и своими глубочайшими прозрениями» (Выд. мною – Д.Р.) [12]. Этот ученый вполне откровенно высказывает предположение, что, очевидно, «мудрые тибетские ламы и в самом деле заглянули за пределы трех измерений и сорвали завесу с величайшей из тайн» [13]. (Судя по контексту, он, безусловно, имеет в виду тайну загробного мира. –Д.Р.). Ему же принадлежит и такое высказывание: «...читая «Книгу мертвых», буквально ощущаешь ее достоверность» (Выд. мною. – Д.Р.) [14]. Наверное, чтобы согласиться с подобного рода любопытными высказываниями, надо обладать достаточной степенью духовности.

По моим гипотетическим предположениям, данная книга, культивируемая с давних пор тибетскими ламами, содержит в себе знания, переданные нам, человечеству арийской цивилизации, как эстафета, уцелевшими представителями погибшей еще в доисторические времена Атлантиды, носительницы колоссальных знаний. Эти знания, очевидно, были переданы самоотверженными жертвенниками, искусственно введшими себя в состояние окаменелости («сомати») и ожившими в эпоху арийской цивилизации, ради оказания интеллектуальной помощи будущему человечеству, для его плодотворного дальнейшего развития. Данное предположение в какой-то мере подкрепляется тем, что вершины Гималаев изобилуют пещерами, в которых вполне могли сохраняться окаменевшие тела, несмотря на всемирный потоп: вода не доходила до вершин этих высоких гор.

О причинах гибели Атлантиды и о сущности и предназначении «сомати» достаточно серьезно повествует научная гипотеза доктора медицинских наук Эрнста Мулдашева, создателя теории «офтальмогеометрии», гипотеза, изложенная в его знаменитой книге «От кого мы произошли? Сенсационные результаты научной гималайской экспедиции». По мнению данного ученого, Атлантида погибла, главным образом, (если сосредоточить внимание на психологическом факторе) от засилья в её общественных отношениях таких негативов, как черная зависть и властолюбие, толкающие людей к кровопролитным войнам. [15].

Я должен сказать, что мои гипотетические предположения о связи «Тибетской книги мертвых» с Атлантидой возникли в связи с тем, что в ней подробнейшим образом, как говорится, со знанием дела описывается всё происходящее в загробном мире, мире иных измерений, на который, между прочим,

современная наука, в лице ученых, шествующих по тернистым тропам духовной революции и развития космического мировоззрения, пытается пролить ныне хоть чуточку света, путем скрупулезных исследований феномена клинической смерти. Невольно возникает вопрос: откуда у тибетских лам такие подробнейшие сведения о заземной реальности? И еще один вопрос: разумно ли было бы заподозрить их в том, что у нас именуется в просторечии злонамеренным обманом, шарлатанством? Убежден, что нет. Хотя бы потому, что это воздвигло бы непреодолимую преграду между нами и таким великим, общепризнанным ученым, каким был К.Г. Юнг.

Содержание «Тибетской книги мертвых» имеет целевую установку на оказание моральной поддержки любому усопшему (независимо от того, каков он по своим жизненным достоинствам) с помощью соответствующих наставлений лам, посылаемых его душе, которая пребывает в его тонком, скажем так, «нематериальном теле». Ему помогают правильно сориентироваться в загробном мире в период Бамрдо, трудный период перехода от жизни земной к жизни заземной, чтобы он обрел на Том Свете счастливую долю, избавился от мук Сансамры – беспрестанных, терзающих душу перемен, связанных с определением его дальнейшей судьбы и, в частности, с испытанием таких изнурительных мытарств по миру, как рождение-смерть, рождение-смерть... Ему тщательно помогают обрести место в сфере вечного блаженства, нематериальной сфере счастливого безвременья, полностью слившись с Субстанцией мира (нематериальной основой всего сущего), или же реализовать, в случае наличия у него высоких жизненных достоинств, иную светлую альтернативу: немедленно, минуя испытательный срок Бамрдо, возвратиться, через подходящие врата материнского чрева, в земной мир, неся в себе миссию просвещения человечества, оказания

помощи его духовному развитию и укреплению в нем духа миролюбия. [16]. На этой основе, считают ламы, он будет избавлен в будущем от излишних повторных рождений и обретет вечное блаженство.

Космическое мышление проявляется в анализируемой книге буквально на каждом шагу. Ее исходное мировоззренческое положение заключается в том, что субстанцией всего сущего является Великая Сияющая Пустота, некое бесплотное, нематериально-энергетическое, творческое начало начал – Дхамрма Камйя. Она представляет собой Всеобщее Надмирное Сознание, которому тождественно по своей сути сознание человеческого индивида, включая его подсознание, душу, а также пребывающий в нем концентрат общечеловеческого опыта (который, как известно, был обозначен Юнгом научным термином «коллективное бессознательное») [17]. Вся эта мировоззренческая концепция, это учение под названием Тёдомл содержит в себе идею, что человек – это микрокосм, воплощающий в себе, в снятом виде, макрокосм [18], и что он, человек, предназначен самой своей Судьбою, Кармой, для творчества, направленного на постепенное одухотворение всего космического пространства, в чем, на мой взгляд, нельзя не уловить ноток гуманистической симфонии и жизнеутверждающего пафоса – как это ни звучит парадоксально, если взглянуть на само название книги. Такой пафос, несомненно, обусловлен тем, что смерть рассматривается здесь всего лишь как «посмертный сон», отдохновение, передышка между жизнями: между жизнями земными, а также земными и заземными. [19]. Причем земная жизнь представляется заполненной творческой деятельностью, предназначенной для внесения индивидом своей посильной лепты в благородное дело совершенствования мироздания.

Примечательно в этом отношении мудрое высказывание одного из

современных тибетских лам, жителя России – Виктора Востокова, который выразил свою мысль следующими словами: «Главная функция человека на этой Земле – отработать свою Карму и сжечь ее и перейти на более высокий уровень духовного развития... Поэтому главное для каждого человека – определиться в этой жизни, стать творцом, а не разрушителем» [20].

Тибетские ламы, дающие наставления усопшему, стараются внушить ему, что всё, что происходит с ним в период перехода – Бамрдо, есть всего лишь сценарии его собственного сознания, что ничем иным, кроме как его собственным сознанием, порождаются всевозможные мыслеформы, в виде предстающих перед ним образов добрых либо злых сущностей – различных духов, богов и т. д. Ламы подсказывают, напоминают, что страшных чудовищ, угрожающих ему, не следует бояться, что они – всего лишь порождения его ума, обусловленные голосом его совести, памяти, говорящей о нехороших деяниях, неблагих поступках, совершенных им в процессе земной жизни, чтобы он четче осознал свою Карму (21). Если Карма плохая, то её надо будет «сжечь» благими поступками в последующей жизни и тем самым наработать себе на будущую жизнь, жизнь после следующего рождения, хорошую Карму. В этом, собственно, заключается суть творческой самореализации личности. Причем последняя, по словам лам, направляется волею высших космических энергий, воспринимаемых субъектом интуитивно – душою, сердцем, подсознанием. Ламы доброжелательно предупреждают усопшего, попавшего в Бардо, что если им будет проявлен страх перед грозящими ему чудовищами, т.е. если он ложным образом воспримет реальность загробного мира, то это плохо скажется на его Судьбе, и он будет обречен на длительные сансарические мытарства. Они стремятся также подсказать ему, чтобы он не допустил такой досадной ошибки, когда чистейшему свету Дхарма

Кайи начинают предпочитать некие более тусклые свечения, исходящие от других источников, ибо это может оказаться чреватым повторным рождением не в виде человека, а в виде бессловесного, бездуховного животного (тускло-голубой цвет) или асура, демона, которому свойственны зависть и коварство (тускло-зеленый цвет), или прета, низменного, злого духа (тускло-красный цвет), или же мученика Ада (тускло-серый цвет) [22].

По поводу всего, о чем у нас идет речь, спонтанно возникает такой вопрос: если в проповедуемом Тёдомлом представлении о мире и человеке Истина не ограничена земными мерками логики и во многом связана с интуицией, т.е. с заземным, всплывающим из глубин души, то что же в таком случае следует считать критерием истины? Вопрос очень непростой и притом очень важный, его значимость обуславливается тем, что культивируемое ныне космическое мировоззрение требует определенного пересмотра самой сути этого понятия. По земным меркам, как известно, критерием истины обычно считается практика. А по меркам космическим? Думается, что здесь этот критерий может носить только синтетический, синкретический характер, т.е. земные мерки должны дополняться мерками Трансцендентного, на основе принципа взаимодополнительности. Короче говоря, требуется значительное расширение сознания и изменение представлений о самой реальности. Если, например, поставить такой вопрос: истинны ли прозрения побывавших в Тибете Елены Блаватской, Николая и Елены Рерихов, писания которых во многом базируются на интуиции? – то, наверное, следует при ответе на этот вопрос, во-первых, принять во внимание упомянутый принцип взаимодополнительности, а во-вторых, посмотреть, какую социальную роль играют их прозрения в современной общественной жизни: потакают ли они присущему человеческому роду разъединяющему его

началу или же способствуют укреплению начала объединяющего. Во втором случае, думаю, следует считать, что Истина на их стороне. Несмотря на то, что её критерий в данном случае достаточно расплывчат. Да, но зато он не односторонен. Если взглянуть на творчество упомянутых мыслителей под означенным углом зрения, то напрашивается вывод, что их прозрения нельзя расценивать как какую-то безосновную фантазию. В них присутствует мощная космическая основа – Надмирное Сознание, несущее на волнах интуиции благо человеческому роду. Конечно, такую истину нельзя считать истиной в последней инстанции (да таких истин вообще не существует!). Но тем не менее их прозрения следует считать истинными. При этом, думается, было бы справедливым добавить к сказанному следующее соображение: говоря о логико-интуитивном синтезе, пожалуй, нужно, учитывая кардинальную особенность современного этапа исторического развития, отдавать известный приоритет логике (разумеется, ничуть не умаляя этим важного значения интуиции и других компонентов познавательного целого). Дело в том, что логика есть один из главных признаков, отличающих человека от животных.

Продолжая аналитический обзор «книги мертвых», подчеркнем, что ламы озабоченно помогают усопшему на протяжении весьма длительного периода нахождения его в неопределенном состоянии (состоянии определения его места в загробном мире или снова в мире материальном) – на протяжении целых сорока девяти дней (!) [23]. В этом, опять же, нельзя не уловить момента человеколюбия. Ламы терпеливо внушают человеку, ушедшему с земного плана, ту мысль, что окружающие его кармические видения – это не что иное, как сверхсубъективная реальность, воплощенный (если применить юнгианский термин) архетипический опыт всего человечества, и вместе с тем – реальность, исходящая от него самого, индивида, как живого воплощения Дхамрма Камьи. Из

такого понимания, надеются ламы, у усопшего может зародиться спасительное осознание того, что мыслеформами ему как носителю Трансцендентного можно управлять, что (позволим себе применить фигуральное выражение Юнга) можно «ухватить Бардо за хвост» и подчинить себе смерть [24]. Ламы стремятся также внушить усопшему, что для обретения лучшей доли ему следует искренне просить милости у высших спасительных богов Тибета, и прежде всего у главнейшего из них – Ченрази, Великого Сострадателя, произнося при этом самую священную у тибетцев мантру: ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ !. Последняя расценивается как эффективное средство избавления от повторных рождений в любой из существующих миров. (Слог ОМ служит для закрытия врат материнского чрева, пропускающих в мир богов, слог МА – в мир асуров, слог НИ – в мир людей, слог ПАД – в мир животных, слог МЕ – в мир прет и слог ХУМ – в мир обитателей Ада) [25].

Всё вышеизложенное невольно порождает представление, что, во-первых, в соответствии с учением Тёдол, мир земной и мир загробный составляют одно единое целое, хотя и разделенное на противоположности внутри себя, и, во-вторых, что это учение – не только религиозная вера, но также и вера в достоверность знаний, которыми испокон веков обладают тибетские ламы, не разглашая их широким слоям населения, знаний эзотерического характера.

Думается, что «Тибетская книга мертвых», этот впечатляющий памятник культуры, судя по всему ее содержанию, не может не играть существенной роли (если, конечно, этим основательно воспользоваться) в деле развития современной духовной революции. Поэтому есть смысл обратиться, в порядке акцентуации внимания на важности её мировоззренческо-методологических основ, в дополнение к уже рассмотренной нами современной литературе, еще к ряду

научных и религиозных источников близких к нам исторических периодов – как восточного, так и европейского плана, и провести соответствующее сравнение. Это, можно надеяться, даст возможность лишней раз убедиться в том, что основополагающие положения данной книги продолжают жить в качестве некоторого путеводного начала в понимании мира.

Иммануил Кант, например, затрагивая вопрос о психологии восприятия человеком смерти, делает такое изречение: «Причина, почему представление о смерти не оказывает того действия, которое оно могло бы иметь, состоит в том, что нам, как существам по природе деятельным, вообще не полагается думать об этом» (Выд. мною. – Д.А.) [26]. Философ, как видим, заостряет внимание на творческом характере человеческой жизни – что вполне соответствует ламаистским представлениям о человеке как существе творческом, представлениям о необходимости «сожжения им своей кармы» и о том, что жизнь по своей значимости, вообще говоря, превышает смерти.

В этом плане обращает на себя внимание труд под названием «Наука самосознания», написанный индийским мыслителем и общественным деятелем Шри Прабхупадой, создавшим в прошлом столетии Общество Сознания Кришны. В данной книге весьма оптимистично, наподобие «книги мертвых», утверждается, что «наше существование вечно, а чередование рождений и смертей – это всего лишь смена бранных материальных тел» [27].

Нельзя пройти и мимо такой современной работы, как исследование английского ученого-медика Раймонда Моуди, работы под интригующим заглавием «Жизнь после жизни», построенной на показаниях пациентов, побывавших в состоянии клинической смерти. Эти показания весьма созвучны с описанием в «Тибетской книге мертвых» того, что происходит с умершим в период Бардо – в

процессе перехода от земной жизни к заземной. Вот одно из подобных свидетельств.

Человек, оказавшийся в состоянии клинической смерти еще в детстве, повествует: «Хотя это и произошло со мной, когда мне едва исполнилось десять лет, но через всю жизнь я пронес без тени сомнения убежденность в существовании жизни после смерти; и я не боюсь умереть. Нет, не боюсь. А некоторые из моих знакомых так панически ее боятся. Я всегда про себя улыбаюсь, когда слышу, что люди начинают сомневаться в существовании загробной жизни и говорят: «Когда ты умрешь, то всё будет кончено». А я про себя думаю: «Они действительно ничего не знают» [28].

И уж никак нельзя не обратить внимания на то, что в работе Моуди присутствует, со слов побывавших в состоянии клинической смерти, описание свечения, щедро обдающего собою посетителя загробного царства. «Моя душа, – волнительно рассказывает один из очевидцев, – вышла из тела! Сначала мне было очень плохо, но вот появился этот очень яркий свет. Сначала он был тусклым, но потом превратился в огромный луч, вернее, массу света, совсем не сравнимую с ярким прожектором; света было очень много. Он обдал меня своим теплом, и мне стало радостно» [29]. Ну как тут не вспомнить завораживающую, сверкающую Дхарма Кайю – Великую Пустоту, Творчески-Энергетическое Начало Мира!

Следует добавить, что, по рассказам других очевидцев на ту же тему, данный свет имеет некую расплывчато-нематериальную форму и представляет собой при этом некую личность. «Как только я покинул свое тело, – свидетельствует один из них, – я принял ту же форму, что и свет. У меня возникло чувство, что эта форма, несомненно, принадлежит духу... Это не было телом, скорее легкая дымка или пар» [30].

Имеются также показания бывших усопших о том, что с подобным нематериальным существом у них

происходил неслышимый, нефизический обмен мыслями. Существо спрашивало: «Подготовлен ли ты к смерти?», «Готов ли умереть?», «Что сделал в своей жизни, чтобы показать мне?» «Что значительного было сделано в твоей жизни?» [31].

В связи с этими интересными находками Раймонда Моуди необходимо отметить, что, в соответствии с воззрениями индуизма на феномен человека, ему вообще присущ, кроме материального, физического, тела, также ряд нефизических, невидимых тел, каждое из которых выполняет определенную жизненную функцию. Самым близким к физическому является тонкое тело, управляющее всеми процессами, протекающими в организме. Это своеобразная аура, которую иногда ощущают и даже видят, глядя на нас со стороны, некоторые люди, обладающие экстрасенсорными способностями. Из йогической литературы известно, что по смерти человека это тонкое тело отходит от него на третий день после прекращения жизненных психофизических процессов. Остальные нефизические тела, тела более высокого порядка, к которым, в частности, относится ментальное тело, а также эго, расстаются с душой умершего позднее, в течение 49-дневного периода траура.

Далее. При обзоре современной философской литературы и сравнении её с «Тибетской книгой мертвых» нередко попадает на глаза сходство в трактовке понятия духовности. В «книге мертвых» духовность трактуется как спасительное средство от ментальной ограниченности материального существования, от искаженных материальностью представлений о сверхсубъективной реальности, лишенных космической целостности, которые отнюдь не способствуют развитию чувства миролюбия и уважения к людям. Аналогично этому упомянутый выше наш, можно сказать с некоторой натяжкой во временном плане, современник Прабхупада отмечает, что духовному человеку, человеку с чистым

сердцем, «неведомо чувство неприязни или зависти к кому бы то не было». При этом он утверждает, что «одно это качество – отсутствие зависти – делает человека достойным поклонения, так как не иметь зависти можно только возвысившись до духовного уровня» [32]. (Для сравнения можно также привлечь приведенное нами выше высказывание о сущности духовности, сделанное В.Е. Громовым).

Углубляя свою мысль, Прабхупада пишет: «Вор и убийца знают законы, и тем не менее совершают жестокие преступления, потому что их сердца нечисты. Итак, наш метод, – подытоживает основатель Общества Кришны, – заключается в очищении сердца. Тогда все проблемы этого материального мира будут решены» [33].

Созвучие между «Тибетской книгой мертвых» и некоторыми современными философскими концепциями ярко обнаруживает себя также в аспекте проблемы синтетического единства рационального и иррационального. Так, например, французский писатель Сатпрем, создавший труд о творческих достижениях индийского мыслителя прошлого века Шри Ауробиндо Гхоша, одного из основателей интегральной йоги, констатирует следующее: «Философии и религии спорят о приоритете того или иного аспекта Бога, и различные Йогины, Риши и Святые отдают предпочтение той или иной философии или религии. Наша задача, – заключает он, – не обсуждать их, но реализовать и стать ими всеми, не следовать какому-то одному аспекту, исключая все остальные, но объявить Бога во всех его аспектах и за их пределами – в этом смысл интегральной йоги» (Выд. мною – Д.Р.) [34]. Здесь нельзя не уловить сходства с «тибетской книгой», которая всё сущее представляет не иначе, как с позиций синтетической целостности бытия.

Требование целостного подхода полностью соответствует новейшим установкам философии XXI века,

установкам на предпочтение синтеза по отношению к раздробленности – о чем выше уже шла речь. В этой связи нелишне обратиться к философской монографии доктора философских наук Ю.А. Шабановой, проявляющей определенную приверженность к существующей концепции нео-медиэвизма, который ратует за возрождение некоторых не утративших своей когнитивной, познавательной ценности, так сказать, нетёмных сторон средневековья. В её фундаментальном труде под названием «Трансперсональная метафизика Майстера Экхарта» последовательно проводится мысль, что «у мистики и метафизики (а под мистикой понимается в данном случае иррациональное, свободное от абсурдности и близкое к интуиции, скажем так, положительного типа. – Д.Р.) – общий источник – разум, обладающий двойственной функцией мышления-созерцания. Отсюда, – заключает автор, – формируется не противопоставление, а взаимодополнение мистико-метафизического как рационально-иррациональной дуальности философского метода в целом» [35].

В этом плане Шабановой дается пояснение, что «философская мистика является совмещением теологической и философской доктрин, основанных на «осмыслении переживания экстатического непосредственного единения с Абсолютом» [36]. Т.е., Абсолют как всеохватное фундаментальное начало роднит философию с теологией и, стало быть, с религией.

При этом Шабановой резонно констатируются недостатки, свойственные как рациональным, так и иррациональным формам мышления, взятым в отдельности. Первой форме (строго научному мышлению), по ее мнению (и с ним вряд ли можно не согласиться), свойственна определенная ограниченность и фрагментарность, а второй – некоторая туманность и размытость образов – из чего

и проистекает необходимость объединения их в одно органическое целое, в соответствии с указанным принципом взаимодополнительности [37]. Взятые вместе, они усиливают друг друга, взаимно восполняя свои недостатки за счет наличествующих в сформированном комплексе позитивов.

И автор справедливо, на мой взгляд, завершает свои суждения следующим обобщающим выводом: «Представленный в тысячелетнем опыте средневекового философствования синтез рационального (т.е. философски-логического. – Д.Р.) и иррационального, веры и разума, познания и созерцания, интуиции и интеллекта востребован методологическими поисками современного самосознания человечества (Выд. мною – Д.Р.) [38]. И далее: «Великие достижения современной философии повлияли не только на развитие классической метафизики, но и являются теоретическим источником герменевтики, феноменологии, экзистенциализма, современных антропологических направлений» [39].

Сходство современных тенденций в сфере философской мысли с методологическими устоями «Тибетской книги мертвых» ярко прослеживается также при ознакомлении с рядом высказываний упомянутого Сатпрема, заключающих в себе понятие глобального сознания. Опираясь на массив творческих изысканий Шри Ауробиндо, он выражает мнение о сущности глобального сознания как о совершенной неотделимости от мирового Божественного Разума. Это сознание характеризуется им буквально следующими словами: «Нет уже ни разделяющих пустот, ни пробелов неизвестности; все купается в единой субстанции». Человек, достигший такого уровня сознания,—говорит он,— «чувствует всеобщую любовь, всеобщее понимание, всеобщее сострадание ко всем другим «я», то есть к тем, кто тоже находится на пути к своей божественности, постепенно становясь светом» (Выд. мною. – Д.А.) [40].

Здесь, как видим, опять проявлена полная аналогия с Дхарма Кайей, великим творческим началом, пронизывающим собою всё и вся – от Надмирного Сознания до сознания индивида. Сатпрем пишет при этом, что «глобального сознания мы можем достичь многими различными путями: религиозной самоотдачей, поэтическими, интеллектуальными, художественными или героическими усилиями – всем, что помогает человеку преодолеть себя» (т.е. преодолеть свою ограниченность, обусловленную принадлежностью к материальному. – Д.А.) [41].

Путь избавления от указанной ограниченности Сатпрем видит в постепенном одухотворении материи самоотверженно снизошедшим в её глубины духом, одухотворении, сопряженном с закалкой самого духа, прокладывающего себе трудный путь назад, ввысь – т.е. во взаимодействии двух видов инволюции (инволюции вниз и инволюции вверх) [42]. Такой взгляд, между прочим, свойствен и философской традиции арабо-израильского учения Каббалы.

Мысль о всеожожденности бытия, которая так ярко нашла свое воплощение в «Тибетской книге мертвых», весьма четко выражена также в современном коллективном труде двенадцати чешских индологов «Боги, Брахманы, Люди», в котором одним из соавторов, а именно, Борисом Мергаутом, в частности, сделано следующие многозначительное высказывание: «Смысл существования в том, чтобы интуитивно познать, что множественность мира – это обман, ибо есть лишь одна Жизнь, одна Сущность и одна Цель» (Выд. мною. – Д.Р.) [43]. Реализовать данную цель, считает автор, значит добиться освобождения. И он раскрывает суть этой идеи в следующей сентенции: «Освободиться» - значит подняться на высший уровень бытия, познать, что творения и вещи происходят от объединяющего в себе всё суверенного духа» (Выд. мною. – Д.Р.) [44].

Весьма интересна в этой связи и точка зрения, выраженная Сатпремом, который пытается объяснить саму фундаментальную причину возможности познания человеком мира. Скрытая причина такого рода принципиальной возможности заключается, по его утверждению, именно во всеобщности мира как целостного единства всех его частей. Исходя из того, что мы и всё окружающее нас тождественны друг другу (по своей глубинной сути), Сатпрем пишет, опираясь на учение Шри Ауробиндо: «...любое переживание, любое знание какого бы то ни было порядка – от чисто физического уровня до метафизических высот – неявно есть познание через отождествление: мы знаем что-то постольку, поскольку мы сами уже и есть то, что мы познаем. Истинное знание достигается не размышлением, – говорил Шри Ауробиндо. – Оно есть то, чем вы являетесь; оно есть то, чем вы становитесь. Не будь этой скрытой тождественности, этого тотального единства, лежащего в основе всего сущего, мы были бы не способны обладать хоть каким-нибудь знанием о мире и о существах» [45].

Развивая данную мысль, автор поясняет, что естественным является не разделение и не различия, а неделимое единство всех вещей, и добавляет, что если бы существа и предметы в принципе отличались от нас, «то мы не только не могли бы воздействовать на них, чувствовать их или познавать, но они просто были бы невидимы и не существовали бы для нас. Только подобное может знать и ощущать подобное, только подобное может воздействовать на подобное» (Выд. мною. – Д.Р.) (46). Мы знаем о мире, констатирует автор, только потому, что в нас постоянно происходит реализация вечного совершенства Духа, объединяющего собою всё сущее. [47]. И в заключение Сатпрем приводит следующее изречение Ауробиндо: «Мы познаем Божественное и становимся Божественным потому, что уже являемся им по своей скрытой природе... всякое становление – это

развертывание» (Выд. мною. – Д.Р.) [48]. К этому изречению Сатпрем добавляет свою мысль: «В течение тысячелетий нашей эволюции мы отделились от мира и от других существ. Мы сформировали это, создали из нескольких атомов Великого Тела жесткую форму и провозгласили «я-мы» против всех остальных, которые, подобно нам, окостенели под коркой эго. Будучи отделенными, мы уже не могли видеть ничего, что первоначально было нашим «я» в великом Материнском единстве» (Выд. мною. – Д.Р.) [49].

Мысль об этом Великом Единстве, или о космическом всеединящем первоначале, выражена также в творческих суждениях упомянутого чешского индолога Б. Мергаута, затрагивающего в данной плоскости морально-этический вопрос о сущности добра и зла. Ему принадлежат следующие строки: «В основе мировоззрения индуизма лежит идея о том, что мир – не случайное сочетание, хаос вещей и явлений, а иерархическое упорядоченное целое, или космос. Всеобщий вечный порядок, сохраняющий, удерживающий вселенную как единое целое, называется дхарма (от санскритского корня дхр – «держат»). Без дхармы мир не мог бы существовать, он бы распался. Это не случается, хотя иногда в определенное время и в определенном месте во вселенной преобладает адхарма, отрицание порядка. Поскольку это касается лишь части вселенной, дхарму полностью устранить нельзя» (Выд. мною. – Д.Р.) [50]. И далее: «В связи с тем, что дхарма, находясь в самих вещах и явлениях, выступает известного рода имманентной справедливостью (в смысле внутренне присущей гарантией порядка. – Д.Р.), всякому индуисту рекомендуется тщательно обдумывать любое свое действие: правильное действие вызывает добро, неправильное – зло. Оценивается действие в зависимости от того, соответствует ли оно дхарме. В положительном случае оно хорошее и ведет к хорошим следствиям, действие же,

противоречащее порядку, – плохое и ведет к страданиям» [51].

А отсюда, наверное, сам собою вытекает следующий вывод нравственного порядка: нельзя наслаждаться тем, что мешает другим. Мергаут, кстати, пишет: «Согласно брахманской идеологии индуистского общества, люди могут достигать преходящего счастья, т.е. получать разрешенные наслаждения (кама) и пользу (артха) от вещей и своего положения в обществе, но всегда в соответствии с дхармой» (Вид. мною. – Д.Р.) [52].

Мы не зря проделали сравнительный экскурс: уверен, что он дал нам возможность убедиться в достаточной мере, что между поднимаемыми в современной философской литературе смысложизненными проблемами и мировоззренческими установками, содержащимися в «Тибетской книге мертвых», довольно четко прослеживается относительное сходство. А это значит, что учение о Великой Сияющей Пустоте Дхарма Кайе продолжает играть важную роль в понимании мироустройства и человека.

Можно было бы привести еще немало примеров, обнаруживающих соответствующие черты сходства. Но думается, что приведенные аналогии дают вполне достаточное основание для признания справедливости утверждений, что «Тибетская книга мертвых» является значительной культурно-исторической ценностью, несущей в себе жизненно важные установки, не теряющие своей значимости, несмотря на ход времён.

Необходимо еще и еще раз подчеркнуть, что ламаизм в своих проповедях учит человека справно осуществлять курс самореализации, чтобы по смерти иметь право на вечное блаженство.

По данному вопросу, между прочим, невольно приходят на ум оптимистические утверждения одного из корифеев русской поэзии, Владимира Маяковского, который, конечно же, не имел, да и не мог иметь ничего общего с ламаизмом, но тем не

менее выразил созвучную с ним в одном отношении жизненную позицию:

«Светить всегда,
Светить везде,
До дней последних донца.
Светить – и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой – и солнца».

Тут нет, слава богу, никаких смердящих ноток, а есть лишь оптимистическая ориентация на жизнотворчество.

В таком же духе, кстати сказать, звучат известные слова Николая Островского (который, безусловно, тоже был далек от ламаизма), слова о том, что надо жить так, чтобы в конце жизни не было мучительно больно и обидно за бесцельно прожитые годы. Это, вообще говоря, созвучно и с изречением современного деятеля искусств Брехта: «Надо бояться не смерти, а пустой жизни».

Вдумчивое чтение «Тибетской книги мертвых», концентрация внимания на её гуманно-антропоцентристских и творчески-созидательных моментах невольно рождает поэтический настрой, который выливается в стих, что и испытал на себе автор настоящей статьи, написавший приведенные ниже четверостишья.

«Только тот, кто исполнил Судьбы
начертанья,
может в жизни иной свой покой обрести.
Обрести свое счастье и высшее благо.
От мучений Сансамры надежно уйти».

Мощной хранительницей жизни является Любовь, во всех ее разнообразных проявлениях, включая, далеко не в последнюю очередь, любовь брачную – особенно если все ее формы, от высших до низших, пронизаны духовностью. Она помогает верным спутникам жизни вдохновлять друг друга на творчество и уберегать от смердящего уныния и душевной депрессии. Настоящая, истинная любовь, прочно обеспечивающая гуманные

и миролюбивые отношения, дана человеку свыше, волею (применяя выражение тибетских лам) «сияющей, трепещущей, яркой, ослепительной, величественной, лучезарной Дхарма Кайи» – изначальной Пустоты. Любовь облагораживает жизнь, а соответственно и смерть, как пролог к будущей жизни, и порождает яркое ощущение мирской всеобщности, сущностного единства единичного и общего, фрагментарного и целостного, разума и сердца, логики и интуиции. Любовь во всех её формах порождает добрые чувства, которые постоянно воспевают тибетские ламы, посылая ушедшим с земного плана свои мудрые наставления.

И тут опять всплывает поэтическое:

«Ты люби всё вокруг. Мир – един, всё – одно.

Так сказали тибетские ламы.

Все мы – дети одной, непрерывной, большой, всеволнительной жизненной драмы».

Любовь обеспечивает полноту нашей творческой самореализации.

«Нас Любовь на жизнь благословляет.

И по тропам творчества ведёт.

Она в нас уверенность вселяет,

поступь Дхамра Камьи придаёт».

Любовь – сила, способная уберечь от гибели целую цивилизацию.

«Пусть Любовь взойдет над миром.

А вражда пойдет на дно.

Ведь не звери же мы, люди!

Мы друг с другом – есть одно».

Но, кроме любви, необходимо также глубокое понимание смысло-жизненных проблем, тесно связанных с осознанием человеком себя как неразрывного единства микро- и макрокосма.

«Мы – дети Космоса. У нас с ним общие черты, стремленья. Он нам открыт, и с Ним у нас – единое сердцебиенье.

Мы осознать должны душой, что непрестанно, год от года мы дело общее творим, для человеческого рода.

Мы «Книгу мертвых» воспоем. Пусть гений Юнга с нами будет! И никогда пусть Человек о смысле жизни не забудет».

Невольно встает вопрос: а все же можно ли так поэтизировать «книгу мертвых», придавать ей такой жизненный пафос?

Для снятия сомнений сравним два постулата этой книги, которые позволительно, на мой взгляд, сформулировать так: «Человек живет, чтобы в конечном счете умереть» и «Человек умирает, чтобы снова жить». Который из них ведущий? Безусловно, второй. Ведь смерть – это всего лишь «посмертный сон», передышка между жизнями, а это значит, что жизнь вечна. Человек умирает, чтобы возродиться, «дожечь» свою Карму и обрести вечное блаженство, больше не рождаясь.

Успешно вершить творческий жизненный процесс «граждане Земли» могут в любом мировоззренческом статусе – в статусе атеиста, христианина, мусульманина, буддиста и т.д. И специфике того или иного статуса ни в коем случае не может и не должно помешать ознакомление с «книгой мертвых». Оно только обогащает наши представления о мире, расширяя наш культурологический кругозор, пробуждает потребность в проявлении бескорыстной заботы о ближних, повышает в наших глазах значение совести и способствует выработке космического мировоззрения, внося тем самым вклад в благородное дело духовной революции.

Но тут возникает еще один не менее сложный вопрос: а как практически реализовать такую метаморфозную переделку человеческого общества? Как сделать духовность атрибутом всего общества, а не отдельных его представителей, если, как явственно показывает жизненный опыт, человек нередко склонен проявлять чуть ли не на каждом шагу эгоизм, беспредельное самомнение, черную зависть, властолюбие, стремление к наживе любыми путями и тому подобные низменные вожеления?

На мой взгляд, на современном этапе, несмотря на идущий процесс духовной революции, пока невозможно выработать какую-либо систему практических мероприятий (практических в достаточной мере, свободных от чрезмерных абстракций), следуя которым можно было бы запросто одухотворить всё общество, основательно приблизив его к благостному Трансцендентному Началу. Единственное, что сейчас реально возможно и нужно, так это наметить самые общие перспективы социальной активности, направленной на решение данной проблемы. Дело в том, что здесь существует большая опасность перегиба. Нельзя бросаться из крайности в крайность. Такие броски совершенно не соответствуют мудрости. Если из крайности засилья Логики перекинуться, очертя голову, в крайность засилья Иррационального, то из этого не родится ничего хорошего. Необходим чрезвычайно плавный переход от односторонности к органической целостности, с соблюдением отмеченного выше принципа взаимодополнительности. Только так, кстати сказать, можно уберечь себя, убежденных сторонников требуемого самой жизнью утверждения и развития космического мировоззрения, от стихийно возникающих в определенной социальной среде порывов обвинить идеологию космизма, еще не ставшую достоянием достаточно широких масс, включая определенные слои представителей науки, в огульном мистицизме чуть ли не

маразматического толка. Жизнь, конечно, в любом случае возьмет свое: космическое мировоззрение прочно утвердится в сознании человеческого рода. Но сам метод перехода должен обладать мудростью, плавностью; недопустима рубка с плеча. При всём при этом следует подчеркнуть, что сам этот переход крайне необходим: современному обществу явно не хватает духовности. Нужно поднять её уровень, чтобы сбалансировать её развитие с опережающими темпами материально-технического прогресса – поднять отнюдь не за счет снижения темпов этого прогресса, а путем подтягивания к ним темпов духовного развития, т.е. соблюдая принцип целостности, органичности. Тогда, кстати, и сам материально-технический прогресс обретет новое положительное качество: наполнится нравственностью, подлинным человеколюбием и избавится от коверкающих его и мешающих вполне нормальному развитию паразитических элементов типа коррупционизма, неразумного распределения приоритетов в развитии различных отраслей хозяйства и т.д. и т.п.

Мне представляется, что в решении поставленной проблемы пока что необходима и возможна следующая система предельно общих перспективных направлений практической деятельности по соответствующему совершенствованию общественного и индивидуального сознания:

во-первых, последовательная, целенаправленная констатация факта происходящей в обществе духовной революции, нацеленная на достижение необходимых положительных изменений в сознании людей;

во-вторых, последовательное создание условий для более благожелательного отношения «граждан планеты» к религии как средству укрепления морально-этических устоев общества;

в-третьих, формирование, методами гуманной педагогики, почтительного,

непредвзятого отношения к рукописному наследию таких гениев гуманитарной культуры, как Блаватская, Рерихи и некоторые другие;

в-четвертых, привитие людям интереса к философии Востока как «колыбели мудрости», с ее медитативными практиками, способами психофизи-ческого самосовершенствования личности, вырабатывающими способность единения с Трансцендентным;

в-пятых, пропаганда широкой публике концепции Владимира Соловьева о единстве науки, религии и философии;

в-шестых, целенаправленное проявление заботы о гармоничном сочетании правового и морально-этического воспитания (в основном средствами киноискусства), а также о гармонизации материально-технического и духовного развития общества;

в-седьмых, неуклонное стремление к раскрытию в человеке в первую очередь лучших сторон его сущности (опять же опираясь на принципы гуманной педагогики и используя средства кино-театрального искусства, художественной литературы, включая поэзию, живописи и пр.), для пробуждения в общественном сознании идеи важности утверждения в сфере общественных отношений начала объединяющего в качестве приоритетной основы поступательного развития общества, заменив им пока еще существующий в различных аспектах социальной жизни приоритет начала разъединяющего; иными словами, нужна активная пропаганда философских концепций всеобщей любви и братства, не исключая, быть может, и фейербахианской концепции родовой сущности человека (разумеется, не без критической оценки некоторых её сторон).

Заметим еще раз, что о каких-либо более конкретных способах расширения диапазона духовной революции пока что говорить не приходится. Это слишком тонкое дело. Но как бы то ни было, жизнь идет вперед,

данный процесс продолжается и, несомненно, придет к своему логическому завершению.

В заключение хочу пожелать всем читателям здоровья, успехов на пути творческой самореализации и максимальной свободы от сковывающего ощущения неизбежности биологической смерти. Надо помнить: нет ничего, кроме жизни. Всё есть Жизнь!

Библиографические ссылки:

1. Громов В.Е. Смысл и границы человеческой духовности (Философско-культурологическое эссе) // В.Е. Громов. – Днепропетровск: НГУ, 2005. С. 5.
2. См. там же; в частности, с. 17, 20, 22, 23.
3. Шапошникова Л.В. Познание космической реальности / Труды объединенного научного центра проблем космического мышления. – Т.1. – М., 2007. С.108.
4. Там же, с. 110.
5. Жигота В.Э. Философия творчества Живой Этики и традиция трансцендентально-эволюционного космизма // Указ. сб. научных трудов. С. 167.
6. Шапошникова Л.В. Указ. соч. С. 108.
7. Жигота В.Э. Указ. соч. С. 155.
8. Там же, с. 156.
9. Герасимова И.А. Предисловие к указ. сб-ку научн. трудов. С. 7.
10. Шапошникова Л.В. Указ. соч. С.76.
11. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Н.А. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. – М., 1994. Т. 1. С. 82. – Цит. по статье Князева Е.Н. Идеи русского космизма и синергетика (Указ. сб. научн. трудов. С. 228).
12. Тибетская книга мертвых (С психологическим комментарием и пояснительными сносками К.Г. Юнга; пер. с англ.). – Харьков, 2006. С. 8.
13. Там же, с. 28.
14. Там же.
15. Мулдашев Э. От кого мы произошли? Сенсационные результаты научной гималайской экспедиции / Э. Мулдашев. – М., 2003. С. 58-59, 98, 102, 371.
16. Тибетская книга мертвых (Указ. издание). С. 115.
17. Там же, с. 10, 11.
18. Там же, с. 129.
19. Там же, с. 98.
20. Востоков В.Ф. Краткая энциклопедия Тибетского Ламы / В.Ф. Востоков. – М., 1994. – С. 455.
21. Тибетская книга мертвых. С.158.
22. Там же, с. 67.
23. Там же, с. 109.
24. Там же, с. 97.
25. Там же, с. 135.
26. Имануил Кант. Изречения / Кант И. – Калининград, 2000. С.231.

27. Свами Прабхупада. Наука самосознания: Бхактиведанта Бук Траст (Перевод с английского издания: The Bhaktivedanta Book Trust, 1991). С. 426.
28. Моуди Р. Жизнь после жизни. Исследование феномена выживания после физической смерти / Р. Моуди. – Ленинград, 1991. С. 49.
29. Там же, с. 34.
30. Там же, с. 53.
31. Там же, с. 32.
32. Указ. соч. Свами Прабхупады. С. 417.
33. Там же, с. 248.
34. Сатпрем. Шри Ауробиндо, или путешествие сознания. – Санкт-Петербург, 1992. С. 151.
35. Шабанова Ю. А. Трансперсональная метафизика Майстера Экхарта. В контексте развития европейской философии / Ю. А. Шабанова. – Днепропетровск, 2005. С. 12.
36. Там же, с. 18.
37. Там же, с. 27.
38. Там же, с. 30.
39. Там же.
40. Указ. соч. Сатпрема. С. 184-185.
41. Там же, с. 185.
42. Там же, с. 253.
43. Мергаут Б. Учение индуизма. Принципиальные основы индуистских вероучений // Боги, Брахманы, Люди. Четыре тысячи лет индуизма. – М., 1969. – С. 61.
44. Там же.
45. Указ. соч. Сатпрема. С. 149. (курсив – со ссылкой на работу Ауробиндо А. В. Purani: Evening Talks, 180).
46. Там же.
47. Там же.
48. Там же, с. 149-150 (со ссылкой на работу Ауробиндо The Synthesis of Yoga, 20: 48).
49. Там же, с. 150.
50. Указ. соч. Б. Мергаута, с. 60.
51. Там же.
52. Там же, с. 61.